

Бай Шиянь совсем не заботило, скучно Мо Лану или нет, он давно уже схватил ложку и принялся изо всех сил уплетать еду. Но, вспомнив, что рядом сидит Мо Лан, он тут же постарался вести себя поприличнее — главным образом потому, что боялся: если Мо Лан сочтет его манеру еды неприглядной, то просто выгонит.

Ел он очень живо.

В памяти Мо Лана за обеденным столом никогда не звучали голоса и не царили эмоции, но этот парень напротив был совсем другим. Во время еды он казался невероятно счастливым, и что бы он ни ел, выглядел радостным. Будь то изысканное блюдо или дешевая стряпня из уличной палатки — казалось, для него возможность поесть и насытиться уже была величайшим счастьем.

Он всегда ел с таким аппетитом, что Мо Лан поневоле начинал сомневаться: неужели блюда, приготовленные им самим, единственным на весь свет, действительно настолько вкусны?

— Ешь медленнее, никто у тебя не отбирает.

Этот жареный рис был самым обычным, безо всяких изысков, но, видимо, парень сильно проголодался, поэтому еда казалась ему невероятно вкусной.

— Пр... председатель... вы тоже поешьте.

— Я уже поел.

Бай Шиянь бросил на него взгляд: во взоре Мо Лана промелькнула мягкость. Настал прекрасный момент, пока железо горячо.

— Председатель, вообще-то я тоже умею готовить, правда, давно уже не брался за это. Хотите, как-нибудь продемонстрирую вам свое мастерство?

У Мо Лана внутри всё сжалось, а на губе еще осталась золотистая рисинка. Не успел парень опомниться, как Мо Лан подался вперед, затянул рисинку с уголка его губ в собственный рот да еще и провел кончиком языка по нижней губе Бай Шияня.

— Мм, немного солоновато, в следующий раз положу поменьше соли.

Бай Шиянь буквально окаменел. Его что, только что снова поцеловал Мо Лан?

Мо Лану очень понравилась такая его остолбенелость.

— Чжоу Шэн, жизнь коротка, почему бы не попробовать.

В голове Бай Шияня взорвался целый ящик фейерверков.

— Вы... я... разве это уместно?..

— Я сказал — можно, значит, можно. Считаю, что мы отлично подходим друг другу.

Бай Шиянь мялся целых три секунды, обдумывая всё это время.

— Раз уж так... может, попробуем?

Система: Наконец-то он повернул на путь истинный.

После того как Бай Шиянь произнес эти слова, цифры над головой Мо Лана разом упали до сорока.

У Бай Шияня на душе стало тревожно: матушкины глаза, неужели Мо Лан и впрямь задумал всё всерьез? Почему ему вдруг стало немного страшно?

В тот вечер Мо Лан не отпустил Бай Шияня домой, но и ничего такого, на что втайне надеялся сам Бай Шиянь, не произошло.

Утром, после того как Бай Шиянь встал и продемонстрировал свое кулинарное мастерство, Мо Лан заставил его переехать и жить вместе с ним. Так великий босс и маленький секретарь начали свою прекрасную совместную жизнь.

Узнав, что Бай Шиянь умеет готовить, Система выразила крайнее удивление.

На самом деле, до того как старик Бай забрал его в семью, мать Бай Шияня хворала, и после пяти лет готовить приходилось ему самому. В те времена Бай Шиянь был еще совсем низкорослым и, чтобы дотянуться до плиты, вставал на скамеечку. Однако после возвращения в клан Баев он больше никогда не подходил к плите. Спустя столько лет он просто наугад, опираясь на крохи детских воспоминаний, сварил кашу и пожарил легкое овощное блюдо — и надо же было такому случиться, что оно приглянулось Мо Лану.

Хотя Бай Шиянь был согласен переехать в такой дом, как у Мо Лана, на все сто процентов, он снова и снова твердил Системе, что вовсе не влюбился в Мо Лана и тем более не польстился на его деньги, а лишь хочет поскорее завершить задание.

По утрам Бай Шиянь открывал глаза и сразу видел Мо Лана — он уже привык к этому. Но на

самом деле по ночам они спали в разных комнатах, однако Мо Лан неизменно среди ночи перебирался к нему под одеяло. Бай Шиянь, наблюдая, как неуклонно снижаются цифры над его головой, просто оставлял это без внимания.

Сотрудники компании, особенно начальники отделов и менеджеры, отчетливо замечали, что в последнее время настроение председателя Мо было просто великолепным. Раньше за малейшую оплошность их костерили на чем свет стоит, а теперь — благодать: председатель Мо с абсолютно безразличным видом просил переделать работу, и на его лице не было ни тени гнева. Еще больше поражало другое: девушка, убирающая в конференц-зале, случайно нашла в выброшенных председателем документах рисунок. набросок был нечетким, но смутно угадывалась фигура человека, склонившегося над столом.

В итоге по всей компании прошел слух, что председатель наконец-то влюбился.

Бай Шиянь сильнее всех ощущал эти разительные перемены.

Стоило ему спокойно сидеть в кабинете и изучать документы, как Мо Лан непременно заставлял Бай Шияня зайти и составить ему компанию. Бай Шияню и так было скучно, а в этом священном кабинете он вообще боялся лишней раз пошевелинуться; стоило ему просидеть так весь вечер, как к моменту, когда он приходил в себя, уже наступало время уходить с работы.

После окончания рабочего дня Мо Лан пылал страстью к походам по супермаркетам и кулинарии. Даже если холодильник ломился от еды, он всё равно тащил Бай Шияня в магазин, и даже если они покупали всего одну вещь, он неизменно радовался как ребенок.

Когда Бай Шиянь готовил на кухне, Мо Лан, совершенно ничего в этом не смысля, любил путаться под ногами и наводить беспорядок.

Бай Шиянь не находил слов. Неужели это тот самый холодный и неприступный председатель, которого он знал? Тот самый талантливый элитный руководитель с ледяным лицом, о котором ходили легенды? Да он же сущий ребенок, честное слово! Прошло больше недели, и Мо Лан вёл себя вполне смирно, но Бай Шиянь чувствовал, что сегодня он какой-то другой.

В офисе он неожиданно попытался заняться этим самым прямо на рабочем месте. Но Бай Шиянь в конце концов никогда ни с чем подобным не сталкивался и был в этом деле полным новичком, поэтому, едва увидев выпирающий бугорок на его брюках, до смерти перепугался и тут же отпрянул назад.

Мо Лан тоже понимал, что время ещё не пришло, и не смел так напролом лезть вперёд, поэтому ему оставалось лишь обнимать его, целовать и всячески умасливать. Эта штука всё время упиралась Бай Шияню прямо в задницу, и он от страха не смел расслабиться ни на секунду.

С горем пополам дождавшись возвращения домой, Мо Лан и вовсе перешёл все границы.

Бай Шиянь мирно готовил ужин на кухне, а тот крутился рядом, только и делая, что пакостничал и целовал его в затылок.

Это место было у Бай Шияня самым чувствительным, и от пары поцелуев его ноги тут же ослабели.

Мо Лан остался крайне доволен такой реакцией, подхватил его на руки и понёс наверх.

— Ты слишком худой, нужно побольше есть.

Бай Шиянь закатил глаза:

— Я бы и сам не против поесть, да только ты мне мешаешь готовить.

Мо Лан опустил ниже и легко коснулся губами его губ:

— Закажем доставку.

Бай Шиянь закатил глаза уже обоими. Ну всё, этот явно нацелился утащить его в постель.

На самом деле где-то в глубине души Бай Шиянь даже немного ждал этого: в конце концов, подобного опыта у него не было. И хотя самым первым он увидел именно его достоинство, тогда всё было совсем иначе, и он неизменно чувствовал некоторое возбуждение.

При виде того, как Бай Шиянь одновременно отталкивает его и поддаётся, Мо Лан уже вовсе не мог сдерживаться.

Эта штука была горяча, как только что выкованный кусок железа, и стоило Бай Шияню бросить на неё один взгляд, как все мысли разом вылетели из головы.

— Мо Лан... по-моему, сегодня не лучший день... в общем... я пожалуй пойду на кухню готовить...

Заметив, что он пытается ускользнуть, Мо Лан резким рывком притянул его обратно. Бай Шиянь рухнул плашмя на кровать, превратившись в живое воплощение жертвы, отданной на растерзание.

Мо Лан уже протянул руку, чтобы поднять его, но тут неожиданно зазвонил телефон.

Словно обрётённый спасительный круг, устройство тут же привлекло его внимание, и он поспешно схватил аппарат. Однако стоило ему взглянуть на экран, как он остолбенел: звонила Гу Циньянь.

Бай Шиянь не испытывал ни малейшего желания связываться с ней и протянул телефон прямо перед носом Мо Лана.

Мо Лан никак не ожидал, что Циньянь снова с ним свяжется, и его лицо слегка изменилось.

— Алло.

Гу Циньянь слишком хорошо знала этот уникальный голос своего брата. Хотя она и не предполагала, что они зашли в своих отношениях так далеко, ей это было только на руку.

— Брат, прости меня... Я... я виновата перед тобой...

Мо Лан не желал её слушать, его ужасно раздражало, что Гу Циньянь связалась с Чжоу Шэном.

— В чём дело?

— Брат... Чжоу Шэн... он действительно любит меня... Просто... я слишком сильно ранила его, и только поэтому он решил сблизиться с тобой!

Мо Лан вовсе не собирался выслушивать этот её бред. Пусть он и не понимал до конца, почему Гу Цинъянь так отчаянно питали неприязнь к Чжоу Шэну, он всё равно не позволял посторонним вот так его очернять.

— Брат, не сомневайся в моих словах! Чжоу Шэн уже давно следит за мной и тайком фотографирует, просто я не говорила тебе раньше. Но я никак не ожидала, что он настолько помешан, раз решил унижить меня через тебя, брат! Если ты мне не веришь, просто проверь его телефон или комнату, там наверняка полно моих фотографий!

Мо Лан сбросил вызов едва ли не мгновенно. Не глядя на Бай Шиянь, он открыл галерею в его телефоне и начал пролистывать фотографии одну за другой.

Бай Шиянь опешил: с какой стати тот вдруг решил полистать фотоальбом? Неужели его задание будет выполнено так быстро?

Он уже предвкушал, как расскажет Мо Лану, какая же Гу Цинъянь на самом деле дрянная девчонка, однако взгляд Мо Лана заставил его испугаться.

— Ты... что с тобой?

Мо Лан поднял глаза, и они оказались слегка покрасневшими.

— Чжоу Шэн, почему в твоём телефоне одни только фотографии Гу Цинъянь?

— Ты... кто вообще такой?

Бай Шиянь внутренне содрогнулся: пропало, Гу Цинъянь всё испортила своими интригами, теперь точно конец.

Он посмотрел на макушку Мо Лана: цифра Уровня тьмы, которая ещё недавно опустилась до двадцати, теперь взлетела аж до пятидесяти! И это притом, что все эти очки он заработал буквально потом и кровью, торгуя собственным телом! Как она могла вот так просто вырасти?!

— Мо Лан, я вовсе не люблю Гу Цинъянь! Я просто хотел показать тебе, что она ужасный человек! Ты думаешь, она такая чистая и невинная перед тобой, а на самом деле за твоей спиной крутила романы бог знает с какими парнями!

Мо Лан никак не отреагировал, лишь упорно сверлил его взглядом.

— Значит, ты признаешь, что все эти фото сделал ты?

Бай Шиянь едва успевал следить за ходом его мысли:

— Я их сделал, но у меня и в мыслях не было ничего плохого по отношению к ней!

Глядя на то, как тот отчаянно оправдывается, Мо Лан почувствовал, как внутри у него всё холодеет.

С самого начала ему казалось, что Чжоу Шэн сближается с ним умышленно. Но потом, по мере

общения, он не заметил у того никаких скрытых мотивов. К тому же парень оказался очень милым, искренним и жизнерадостным — таких людей он встречал крайне редко.

Однако судя по сегодняшнему дню, даже если у него действительно не было никаких романтических чувств к Гу Цинъянь, зачем тогда понадобилось тайком её фотографировать?— Чжоу Шэн, я не хочу верить, что ты приближался ко мне из корыстных побуждений.

— Думаю, нам всем нужно остыть. Закажи доставку еды сам.

Провожая взглядом удаляющуюся спину Мо Лана, Бай Шиянь почувствовал легкую грусть.

Прости, Мо Лан, я действительно приближался к тебе с определенной целью.

— 659, я что, пропал?

Система: — Нет. Значение целевого показателя не вернулось к исходной точке, и теперь всё, что тебе нужно сделать, — это всё чётко объяснить.

Бай Шиянь вздохнул. Объяснить? Разумеется, он хотел объясниться, но ведь эти фотографии и впрямь сделал он сам. К тому же Мо Лан был в общем-то прав: он и вправду сблизился с ним ради выполнения задания.

У Бай Шияня заболела голова. Вот влип! Уровень тьмы снова подскочил, и теперь оставалось только гадать, как его сбить.

Система: — У меня есть предложение.

— Говори.

Система: — На самом деле Носитель может пожертвовать собой.

Бай Шиянь: — Катись.

Мо Лан дулся ровно три дня.

По правде говоря, он прекрасно знал, что Чжоу Шэн не испытывает симпатии к Гу Цинъянь, да и во взгляде Чжоу Шэня нетрудно было заметить привязанность к нему самому. Вот только осознание того, что Чжоу Шэн сблизился с ним из корыстных побуждений, ранило его, и сердце отказывалось с этим мириться.

Этот парень был его радостью, а теперь стал и его печалью.

Терпев несколько дней, Бай Шиянь в конце концов понял, что больше не может смотреть, как цифры неуклонно ползут вверх.

И тогда в кабинете генерального директора то и дело можно было наблюдать, как Бай Шиянь принимает соблазнительные позы. Однако Мо Лан упорно на него не смотрел.

Стараясь изо всех сил целых два дня, Бай Шиянь так и не смог заставить Мо Лана смягчиться. Исчерпав все возможные способы, ему оставалось лишь пустить в ход последнее средство.

Увидев на экране телефона надпись «Маленький секретар», Мо Лан долго колебался, прежде чем ответить.

— Слушаю.

Но в трубке послышался незнакомый голос:

— Вы Мо Лан? Ваш друг напился, не могли бы вы забрать его?

Мо Лан замер, схватил ключи и бросился к выходу.

Какой же он глупый мальчишка: прекрасно знает, что совсем не умеет пить, так с какого перепугу удумал напиваться в каком-то незнакомом месте?!

Сидя в небольшой закуской, Бай Шиянь виновато улыбнулся стоявшему рядом хозяю заведению:

— Большое спасибо вам! Мы тут поссорились, без этого трюка он бы ни за что меня не простил.

Хозяин оказался человеком отзывчивым, к тому же Бай Шиянь на заказывал целую кучу еды, и это хозяину польстило, так что он охотно поддержал разговор:

— Парень, по-моему, твой друг очень за тебя переживает. Знаешь, отношения между друзьями — они ведь ничем не отличаются от супружеских, с чего бы им быть смертельной обидой? Когда он приедет, ты держи марку, а я тебя прикрою.

— Спасибо вам! Хозяин, добавьте-ка мне еще одно блюдо с собой, заверните его, а когда он подойдет, скажите, что еды наготовили лишнего, и пусть заберет с собой.

— Сделаем!

Бай Шиянь бросил взгляд на стоявший перед ним бокал — большая часть крепкого алкоголя уже была выпита. Сама по себе эта китайская водка отличалась особой крепостью, а учитывая склонность тела первоначального владельца пьянеть от малейшей дозы без покраснения лица, изобразить мертвеца пьяного не составляло труда.

Бай Шияньдохнул себе на ладони: запах алкоголя стоял отменный — полчаса держания спиртного во рту того стоили.

Глянув на телефон и прикинув, что Мо Лан уже на подходе, Бай Шиянь тут же уткнулся лицом в стол, предварительно смазав одежду остатками выпивки.

Войдя внутрь, Мо Лан сразу увидел на занюханном, тесном столике своего прильнувшего к нему секретаришку.

Он подошел и слегка толкнул его, но тот в ответ лишь невнятно пробормотал что-то себе под нос. Посмотрев на почти опустевшую бутылку крепкого спиртного, Мо Лан почувствовал укол жалости, подхватил его на руки и вынес на улицу.

Хозяин никогда прежде не видел столь красивых мужчин и на мгновение остолбенел. Опомившись лишь тогда, когда тот уже добрался до выхода, он торопливо протянул упакованные контейнеры:

— Уважаемый, смотрю, тут еще много еды осталось, я вам завернул, заберите с собой.

Мо Лан даже не протянул руку, лишь чуть покачал головой:

— Не нужно.

Он не видел выражение боли на лице Бай Шияня, прижавшегося к его груди.

Аккуратно усадив его на сиденье автомобиля и пристегнув ремнем безопасности, Мо Лан попытался отнять руку, но тот вцепился в нее мертвой хваткой.

— М-м... Мо... Мо Лан... Ты... ух! Простишь ли ты меня...

От него разило перегаром, да и одежда была испачкана, но Мо Лан ни капли не брезговал.

Он бережно привлек его к себе.

— С тобой просто сладу нет.

Бай Шиянь тихонько хихикнул про себя: этот трюк и правда сработал!

— Мо... Мо Лан... На самом деле... на самом деле... ух!

— На самом деле я уже давно... уже давно...

На полуслове Бай Шиянь осекся. Мо Лан встревожился и стал допытываться:

— Давно что?

Бай Шиянь что-то бормонул и мгновенно отключился.

Глядя на его откинутую набок во сне голову, Мо Лан невольно улыбнулся.

В этот раз он вел машину на редкость медленно.

Сначала Бай Шиянь притворялся, но потом и вправду заснул крепким сном. Проспав до самого следующего утра, он открыл глаза лишь около девяти часов.

— Мо Лан! Уже девять! Ты почему еще не встал?! Конец, мне конец! Премия за полную посещаемость сгорела!

Мо Лан спал крепче обычного, прижимая его к себе, и проснулся от его криков. Заметив, что тот уже вскочил и собирается одеваться, он властным движением притянул его обратно.

— Поспи еще чуть-чуть, премию я тебе выпишу.

Бай Шиянь обрадовался:

— Правда?!

— Угу. Я уже давно так хорошо не высыпался.

Видя, что Мо Лан не шутит, Бай Шиянь успокоился и позволил себя обнимать. Впрочем, главная причина заключалась в том, что цифры над его головой сменились на 20.

— Мо Лан, я правда терпеть не могу Гу Цинъянь. Я просто увидел, что она тратит твои деньги на содержание других мужиков, и хотел лишь предупредить тебя, честно.

Мо Лан не открыл глаз, но лишь крепче прижал его к себе.

— Да, я знаю. Какими бы ни были твои намерения, я все равно привязан только к тебе. Так что просто не уходи от меня.

Окутанный его объятиями, Бай Шиянь почувствовал легкую тоску.

Прости, но рано или поздно мне придется уйти.

— Мо Лан, я полюбил тебя уже давно.

В ту же секунду цифры над головой Мо Лана превратились в 3.

С тех пор как уровень тьмы Мо Лана опустился до тройки, Бай Шиянь приложил немало усилий: тут тебе и соблазнение в офисе, и кулинарные изыски — разве что в коротком фартучке задом к нему не стоял. Однако показатель словно застыл на месте и наотрез отказывался падать дальше.

— 659, у счетчика часом не глюк? Почти полмесяца прошло!

Система: — Никаких сбоев, всё в штатном режиме.

— Тогда почему за полмесяца он не упал ни на йоту?

Система: — Возможно, Носитель упустил из виду какую-то сферу.

— Какую еще сферу?

Система: — Мои возможности не позволяют это диагностировать.

Бай Шиянь закатил глаза: от этой системы вечно никакого толку, когда требуется заняться делом.

Вечером Мо Лан засыпал, обнимая Бай Шияня.

— Мо Лан, тебе со мной хорошо?

Мо Лан на секунду замер, а затем легко коснулся губами его лба:

— Хорошо.

— А... ты еще можешь полюбить другую женщину?

— Нет, у меня есть ты.

Бай Шиянь так и рвался ткнуть его пальцем в лоб с вопросом: раз у тебя есть я, почему ты до сих пор не снижаешь мой уровень тьмы!

Впрочем, теперь, когда Мо Лан узнал о грязных делищах Гу Цинъянь и передал фотографии ее родителям, у нее не осталось лазеек для маневра даже через отца и мать Мо Лана, так что ей оставалось лишь смириться и жить своей жизнью.

Но раз Гу Цинъянь давным-давно пронюхала, что крушение карьеры ее собственного отца было спровоцировано доносом отца Мо Лана, она явно не оставит их в покое, и Бай Шиянь всё равно немного тревожился.

На следующий день Бай Шиянь назначил Гу Цинъянь встречу.

Та сильно удивилась его звонку, но стоило ей вспомнить, что этот ничтожный нищий мужчина разрушил все ее планы, как в ней закипала ярость. Поэтому, когда Бай Шиянь увидел ее, ее облик оказался донельзя... эксцентричным.

С трудом сдерживая смех, Бай Шиянь окинул взглядом копну ее растрепанных рыжих волос.

— Неужели мисс Гу сорвалась с цепи после того, как ее истинное лицо выплыло наружу?

Гу Цинъянь фыркнула носом:

— Чжоу Шэн, не думай, что раз за твою спину встал Мо Лан, я не посмею с тобой расправиться. С чего ты взял, что даже если Мо Лан примет тебя, его родители согласятся на такой брак?!

Бай Шиянь лишь беззаботно пожал плечами:

— Ничего страшного, мне всё равно. Главное, что он у меня есть.

Гу Цинъянь расхохоталась так громко, будто слышала уморительную шутку:

— Ха! И ты еще строишь из себя невинность передо мной? Разве не ради денег всё это? Какой же ты низкий, презренный мужчинка.

Бай Шиянь тихо усмехнулся:

— Подумаешь, я ради денег. А твой отец разве не тем же занимался?

Гу Цинъянь замерла, никак не ожидая, что он заговорит о ее родителе.

— Гу Цинъянь, я прекрасно знаю, почему ты так отчаянно добивалась любви Мо Лана. Твои чувства к нему уже давно переросли сестринские.

— Ты вечно пытаешься подобраться к нему только ради того, чтобы отомстить семье Мо! Но почему ты не задумываешься о том, что твой папаша погряз в коррупции и взятках на баснословную сумму, неужели он был прав?!

Гу Цинъянь свирепо уставилась на него:

— Что ты мелешь?! Кто тебе сказал?! Дрянь! Заткнись, не смей говорить о моем отце!

Увернувшись от брошенной в него чашки, Бай Шиянь холодно произнес:

— Гу Цинъянь, ты ведь и сама всё прекрасно понимаешь, всё уже раскопала. Деньги, которые присвоил твой отец, предназначались для строительства моста. Знаешь ли ты, во что превратилась бы эта переправа, если бы дядя Мо не написал донос на твоего отца?

— Это же центральный мост! Твой отец присвоил такую уйму денег, что от постройки осталась бы лишь видимость! А рухни этот мост — ты представляешь, сколько людей погибло бы?! Да их сосчитать невозможно!

— Сейчас ты оплакиваешь лишь потерю отца, а почему не подумаешь о том, сколько жизней оборвалось бы на этом мосту, если бы украденные им средства не пошли на дело? Сколько

детей осиротело бы?!

<http://bllate.org/book/21660/2235046>